

«В конце концов, коты с порванными ушами тоже кому-то нравятся», - так размышлял Васька, подравшийся с матерым черным котом, невесть откуда взявшимся.

«Нет, ну, а что мне оставалось делать? – продолжал философствовать Васёк, - в душе я, конечно, кот неконфликтный, но я же прирожденный царь этого двора. Пришлось защищать территорию. Эээх! Эти социальные нормы меня совсем замучали. Вот Месси тоже мне говорит, что, мол, раз я тут главный, то все должны меня бояться. А если я этого не хочу? Вот взять даже этого черного кота. Зачем я на него бросился? Он мне что, не понравился? Отчего же, очень даже хороший кот. И левый глаз слегка косит, значит, боевой. Я таких уважаю. Да я, может, подружиться с ним хотел. А пришлось драться... Оба теперь потрепанные, страшные. Месси ужас как не любит кровь и царапины там всякие. Не будет теперь на меня смотреть неделю. Вот как ее можно понять? Ты, говорит, территорию защищай, поддерживай свой авторитет. А как я его поддерживать буду и при этом без царапинки домой возвращаться? Тьфу на нее! Одно ясно, что баба! А этот, черный? Тоже, небось, придет домой побитый, а там его своя ждет. Задаст она ему трепку за расцарапанную морду! Хе-хе, здорово я его все-таки. Каааак хрясь лапой, а он-то и не ждал! Хотя что хвастаться, мне-то тоже досталось. Ухо вот порвал... Эх...»

Васька был очень красивым котом. Густая рыжая шерсть его лоснилась, зеленые хитрые глаза блестели, был в них какой-то игривый огонек – из-за них он и получил прозвище Васька – хитрая морда. Все кошки ужасно любили смотреть, как выпавшийся и сытый довольный котяра аккуратно ступал своими мягкими лапками по территории двора. Его беличий хвост стоял трубой, а при каждом шаге медленно колыхался из стороны в сторону в такт Васькиной поступи. Васе, безусловно, было приятно внимание дам, но всю свою любовь он отдавал домашней Месси, которая и не казалась носа на улицу.

Месси была молодой кошечкой, помесью британской короткошерстной и сиамской пород. Она была очень покладистым животным, хозяева в ней души не чаяли. Ласковая, она ластилась ко всем проходящим в их дом гостям, мягко запрыгивала на их колени, и, удобно разместившись, начинала тихо мурчать свою

песенку. Все удивлялись, что, несмотря на сиамскую кровь, Месси никогда не проявляла агрессии. Но это касалось только людей. С кошками у нее сложились совсем другие отношения. Месси презирала их, относилась свысока, в этом ее дурном отношении к себе подобным проявлялся весь ее злобный сиамский темперамент.

Это было весьма странно, учитывая, что кроме Васьки, Месси ни с кем не была лично знакома. Конечно, она подолгу просиживала у окна и знала всех-всех котов и кошек своего двора, но ее с ними общение ограничивалось демонстративным равнодушием через стекло. Вы могли подумать, что все эти беды происходили от того, что хозяева не пускали Месси на улицу, и она втайне завидовала своим свободным собратям. Если в этом состоит ваша гипотеза, то я вас разочарую – никто не ограничивал передвижений Месси, ей разрешалось выходить на улицу, и Васька не раз умолял ее хотя бы пройтись «вон до той симпатичной каменной плитки, нагретой солнцем». Но Месси была непреклонна в своем решении – еще совсем крохой, спустя день или два после того, как прорезались ее глаза, она решила, что улица – это самое ужасное место, для которого она совсем не предназначена. А причина такого решения была ужасно банальна – в этот день мама Месси – сиамская кошечка Ласка выходила прогуляться, оставив своих деток буквально на двадцать минут. Когда Ласка вернулась, Месси не могла узнать свою маму – за какие-то считанные минуты ее холеная серебристая шерстка превратилась в серо-черные свалянные клоки, с которых стекала каплями грязная вода, она принесла с собой незнакомые запахи, которые очень не понравились маленькой Месси. Каким-то магическим образом она оказалась патологически брезгливой с самого рождения. Возможно, это папа-британец постарался. Кто знает, может, в его семейном древе были коты императорской фамилии, так же презиравшие грязь.

Васька отлично знал об этой странности Месси. Он плелся по двору, опустив голову, и представлял, как неласково его, такого грязного и ободранного, встретят дома. «Вот что я в ней нашел?» – горестно спрашивал он себя. «Она что, красива? Видал я и получше! Что, очень добра? Как бы не так, та еще злочка! Умная больно? А кто ее знает – целыми днями дома сидит, откуда в ней ум возьмется? Эх, было бы у нас кошачье издательство, она бы хоть книжки читала. А так все бездельничает! Сидит у окошка со своей высокомерной миной целыми днями. Что вообще в ней хорошего такого? Ну, чистенькая всегда, аккуратная. Молчаливая, бабьими бреднями меня не кормит, не то что эти дворовые клуши: «Васенька то, Васенька се, а хочешь последнюю сплетню расскажу?» Нет, это не про нее. Ну, что еще? А пожалуй, все-таки красива. Не то, чтобы с обложки кошачьего Vogue (Если бы только был такой! Ничего то хорошего нет у котов!), но очень миленькая со своим розовым вздернутым носиком. И не такая уж злочка – это она только делает вид, что ей все противны, а вообще она добрая, меня вроде любит-ласкает (это когда я не грязный и не побитый прихожу). Да и умна все-таки. Вот помню, пришел я на позапрошлой неделе домой грязнюющий – это я в канаву провалился, она со мной неделю не разговаривала, хвостом только виляет недовольно и стороной обходит. Ну, я вроде отмылся, в форму вернулся, так сказать. Спрашиваю ее: «Ну, объясни ты мне, что такого страшного в том, что я чуть

чуть испачкался?», – а она мне отвечает с чувством великого превосходства: «Это негигиенично.» Ха-ха, негигиенично! Слово-то где такое откопало? Умна! Все-таки умна.»

С такими мыслями Вася подошел к своему подъезду. Он привычно задрал голову, чтобы подмигнуть Мессе, сидящей на подоконнике, но кошки в окне видно не было. «Так-так, спит что ли? Да вроде не должна. Не по расписанию. У нее такое расписание есть особое – режим дня называется. Она все по нему делает – это, говорит, полезно для здоровья. А вдруг заболела, поэтому и спит? Вот и насоблюдалась, режимница! Гулять надо больше для здоровья, а не режимы соблюдать!» – с такими мыслями Васька хмурился, недовольно топтался у подъезда и ждал, пока кто-нибудь откроет ему дверь.

Прошло десять минут, но никто так и не появился, чтобы запустить Васю домой. Окно на кухне пустовало – Мессе тоже не было видно. «Мессе-Мессе... Что за имя такое вообще дурацкое? И откуда его выдумали хозяйева! Дураки! Они что, футбол не смотрят? Не знают, что это мужское имя? Еще бы Лионель ее назвали, вот потеха была бы. Эх! Я так с ума тут сойду тут, пустите домой!» – и тут раздался фирменный Васькин ор.

В этот же момент дверь подъезда распахнулась, вышел сосед со второго этажа, а за ним, крадучись, семенила Мессе! Вася хлопал глазами и не мог понять, что происходит.

- Эй, ты чего это? Совсем сдурела от своего режима? Зачем на улицу вышла? – набросился грозный Васька на прижавшую уши Мессе.
- Васенькааааа! – захныкала Мессе, – тебе больно?

Тут уж началось что-то совсем невообразимое! Мессе повалила Ваську на бок и прямо тут, на улице, принялась вылизывать его боевые раны.

- Да ладно тебе, брось, я сам, – пытался отнекиваться смущенный кот, но Мессе уже было не остановить.

Десять минут спустя Васька, облизанный и обласканный, и Мессе с грязной мордашкой зашли в свою квартиру. Мессе рассказала, что видела огромного черного незнакомого кота, видела их драку, видела, как Васька расцарапал ему морду, а тот в ответ порвал Ваське ухо. Она рассказала, как она испугалась, как тут же ринулась к двери, и стала мяукать и царапаться, не помня себя. Хозяйева сначала не хотели ее пускать, зная, что Мессе улицу не жалуется, но она так выла, что, в конце концов, ее выпустили. А тут ее ждала новая беда – она даже не подумала, что дверь подъезда тоже может быть закрыта. И она ждала, ждала и так переживала, как там ее Васенька. А Вася довольно слушал и думал про себя: «Дааа, в конце концов, коты с порванными ушами тоже кому-то нравятся».